

СТЕФАН ЦВЕЙГ

ПИСЬМО
НЕЗНАКОМКИ
(СБОРНИК)

Стефан Цвейг
Письмо незнакомки (сборник)
Серия «Книга в сумочку»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28992709
Письмо незнакомки / Стефан Цвейг ; [пер. с нем. Л. Вольфсон, Д.
Горфинкеля] : Издательство «Э»; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-090906-3*

Аннотация

Сколько счастлив тот, кто хотя бы раз пережил страсть – чувство, которое ослепляет, лишает сна и покоя. Но страсть не всегда созидательна. Чаще бывает она мучительной, разрушительной, разъедающей человека. От нее, как от страшного сна, нельзя очнуться. Ей невозможно противостоять, даже если понимаешь, что она тебя губит, что ты пропадаешь. Именно такая страсть интересна писателю. Именно ее исследует Стефан Цвейг в новеллах «Письмо незнакомки», «Двадцать четыре часа из жизни женщины» и «Амок».

Новеллы, вошедшие в золотой фонд мировой литературы. Их интересно читать и тем, кто пережил нечто подобное, и тем, кого это только ожидает.

Содержание

Письмо незнакомки

5

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Стефан Цвейг

Письмо незнакомки

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Письмо незнакомки

Когда известный беллетрист Р., после трехдневной поездки для отдыха в горы, возвратился ранним утром в Вену и, купив на вокзале газету, взглянул на число, он вдруг вспомнил, что сегодня день его рождения. Сорок первый, – быстро сообразил он, и этот факт не обрадовал и не огорчил его. Бегло перелистал он шелестящие страницы газеты, взял такси и поехал к себе на квартиру. Слуга доложил ему о пришедших в его отсутствие двух посетителей, о нескольких вызовах по телефону и принес на подносе накопившуюся почту. Писатель лениво просмотрел корреспонденцию, вскрыл несколько конвертов, заинтересовавшись фамилией отправителя; письмо, написанное незнакомым почерком и показавшееся ему слишком объемистым, он отложил в сторону. Слуга подал чай. Удобно усевшись в кресло, он еще раз пробежал газету, заглянул в присланные каталоги, потом закурил сигару и взялся за отложенное письмо.

В нем оказалось около тридцати страниц, и написано оно было незнакомым женским почерком, торопливым и неровным, – скорее рукопись, чем письмо. Р. невольно еще раз ощупал конверт, не осталось ли там сопроводительной записки. Но конверт был пуст, и на нем, так же как и на самом письме, не было ни имени, ни адреса отправителя. Странно, подумал он, и снова взял в руки письмо. «Тебе, никогда не

знавшему меня», — с удивлением прочел он не то обращение, не то заголовок... К кому это относилось? К нему или к вымышленному герою? Внезапно в нем проснулось любопытство. И он начал читать.

Мой ребенок вчера умер — три дня и три ночи боролась я со смертью за маленькую, хрупкую жизнь; сорок часов, пока его бедное горячее тельце металось в жару, я не отходила от его постели. Я клала лед на его пылающий лобик, днем и ночью держала в своих руках беспокойные маленькие ручки. На третий день к вечеру силы изменили мне. Глаза закрывались помимо моей воли. Три или четыре часа я проспала, сидя на жестком стуле, а за это время смерть унесла его. Теперь он лежит, милый, бедный мальчик, в своей узкой детской кроватке, такой же, каким я увидела его, когда проснулась; только глаза ему закрыли, его умные, темные глазки, сложили ручки на белой рубашке, и четыре свечи горят высоко по четырем углам кроватки. Я боюсь взглянуть туда, боюсь тронуться с места, потому что пламя свечей колеблется и тени пробегают по его личику, по сжатым губам, и тогда кажется, что его черты оживают, и я готова поверить, что он не умер, что он сейчас проснется и своим звонким голосом скажет мне что-нибудь детское, ласковое. Но я знаю, он умер, я не хочу смотреть на него, чтобы не испытать сладость надежды и горечь разочарования. Я знаю, знаю, мой ребенок вчера умер, — теперь у меня на свете только ты, беспечно играющий жизнью, не подозревающий о моем существовании. Только

ты, никогда не знавший меня и которого я всегда любила.

Я зажгла пятую свечу и поставила ее на стол, за которым я тебе пишу. Я не могу остаться одна с моим умершим ребенком и не кричать о своем горе, а с кем же мне говорить в эту страшную минуту, если не с тобой, ведь ты и теперь, как всегда, для меня все! Я, может быть, не сумею ясно говорить с тобой, может быть, ты не поймешь меня – мысли у меня путаются, в висках стучит и все тело ломит. Кажется, у меня жар; может быть, я тоже заболела гриппом, который теперь крадется от дома к дому, и это было бы хорошо, потому что тогда я пошла бы за своим ребенком и все сделалось бы само собой. Иногда у меня темнеет в глазах, я, может быть, не допишу даже до конца это письмо, но я соберу все свои силы, чтобы хоть раз, только этот единственный раз, поговорить с тобой, мой любимый, никогда не узнававший меня.

С тобой одним хочу я говорить, впервые сказать тебе все; ты узнаешь всю мою жизнь, всегда принадлежавшую тебе, хотя ты никогда о ней не знал. Но ты узнаешь мою тайну, только если я умру, – чтобы тебе не пришлось отвечать мне, – только если лихорадка, которая сейчас бросает меня то в жар, то в холод, действительно начало конца. Если же мне суждено жить, я разорву это письмо и буду опять молчать, как всегда молчала. Но если ты держишь его в руках, то знай, что в нем умершая рассказывает тебе свою жизнь, свою жизнь, которая была твоей от ее первого до ее последнего сознательного часа. Не бойся моих слов, – мертвая не

потребуется ничего: ни любви, ни сострадания, ни утешения. Только одного хочу я от тебя, чтобы ты поверил всему, что скажет тебе моя рвущаяся к тебе боль. Поверь всему, только об этом одном прошу я тебя: никто не станет лгать в час смерти своего единственного ребенка.

Я поведаю тебе всю мою жизнь, которая поистине началась лишь в тот день, когда я тебя узнала. До того дня было что-то тусклое и смутное, куда моя память никогда уже не заглядывала, какой-то пропыленный, затянутый паутиной погреб, где жили люди, которых я давно выбросила из сердца. Когда ты появился, мне было тринадцать лет, и я жила в том же доме, где ты теперь живешь, в том самом доме, где ты держишь в руках это письмо – это последнее дыхание моей жизни; я жила на той же лестнице, как раз напротив дверей твоей квартиры. Ты, наверное, уже не помнишь нас, скромную вдову чиновника (она всегда ходила в трауре) и худенького подростка, – мы ведь всегда держались в тени, замкнувшись в своем скудном мещанском существовании. Ты, может быть, никогда и не слышал нашего имени, потому что на нашей двери не было дощечки и никто никогда не приходил к нам и не спрашивал нас. Да и так давно это было, пятнадцать, шестнадцать лет тому назад, нет, ты, конечно, не помнишь этого, любимый; но я – о, я жадно вспоминаю каждую мелочь, я помню, словно это было сегодня, тот день, тот час, когда я впервые услышала о тебе, в первый раз увидела тебя, и как мне не помнить, если тогда для меня открылся мир!

Позволь, любимый, рассказать тебе все, с самого начала, подари мне четверть часа и выслушай терпеливо ту, что с таким долготерпением всю жизнь любила тебя.

Прежде чем ты переехал в наш дом, за твоей дверью жили отвратительные, злые, сварливые люди. Хотя они сами были бедны, они ненавидели бедность своих соседей, ненавидели нас, потому что мы не хотели иметь ничего общего с ними. Глава семьи был пьяница и колотил свою жену; мы часто просыпались среди ночи от грохота падающих стульев и разбитых тарелок; раз она выбежала, вся в крови, простоволосая, на лестницу; пьяный с криком преследовал ее, но из других квартир выскочили жильцы и пригрозили ему полицией. Мать с самого начала избегала всякого общения с этой четой и запретила мне разговаривать с их детьми, а они мстили мне за это при каждом удобном случае. На улице они кричали мне вслед всякие гадости, а однажды так закидали меня снежками, что у меня кровь потекла по лицу. Весь дом единодушно ненавидел этих людей, и, когда вдруг что-то случилось, – кажется, муж попал в тюрьму за кражу и они со своим скарбом должны были выехать, – мы все облегченно вздохнули. Два-три дня на воротах висело объявление о сдаче внаем, потом его сняли, и через домоуправителя быстро разнеслась весть, что квартиру снял какой-то писатель, одинокий, солидный господин. Тогда я в первый раз услышала твое имя.

Еще через два-три дня пришли маляры, штукатуры, плот-

ники, обойщики и принялись очищать квартиру от грязи, оставленной ее прежними обитателями. Они стучали молотками, мыли, выметали, скребли, но мать только радовалась и говорила, что наконец-то кончились безобразия у соседей. Тебя самого мне во время переезда еще не пришлось увидеть, за всеми работами присматривал твой слуга, этот невысокий, степенный, седовласый камердинер, смотревший на всех сверху вниз и распоряжавшийся деловито и без шума. Он сильно импонировал нам всем, во-первых, потому, что камердинер у нас, на окраине, был редкостным явлением, и еще потому, что он держался со всеми необычайно вежливо, не становясь в то же время на равную ногу с простыми слугами и не вступая с ними в дружеские разговоры. Моей матери он с первого же дня стал кланяться почтительно, как даме, и даже ко мне, девчонке, относился приветливо и серьезно. Твое имя он произносил всегда с каким-то особенным уважением, почти благоговейно, и сразу было видно, что это не просто обычная преданность слуги своему господину. И как я потом любила за это славного старого Иоганна, хотя и завидовала ему, что он всегда может быть подле тебя и служить тебе!

Я потому рассказываю тебе все это, любимый, все эти до смешного мелкие пустяки, чтобы ты понял, каким образом ты мог с самого начала приобрести такую власть над робким, запуганным ребенком, каким была я. Еще раньше, чем ты вошел в мою жизнь, вокруг тебя уже создался какой-то

нимб, ореол богатства, необычайности и тайны; все мы, в нашем маленьком домике на окраине, нетерпеливо ждали твоего приезда. Ты ведь знаешь, как любопытны люди, живущие в маленьком, тесном мирке. И как разгорелось мое любопытство к тебе, когда однажды, возвращаясь из школы, я увидела перед домом фургон с мебелью! Большую часть тяжелых вещей носильщики уже подняли наверх и теперь переносили отдельные, более мелкие предметы; я остановилась у двери, чтобы все это видеть, потому что все твои вещи чрезвычайно изумляли меня – я таких никогда не видала: тут были индийские божки, итальянские статуи, огромные, удивительно яркие картины, и, наконец, появились книги в таком количестве и такие красивые, что я глазам своим не верила. Их складывали столбиками у двери, там слуга принимал их и каждую заботливо обмахивал метелкой. Сгорая от любопытства, бродила я вокруг все растущей груды; слуга не отгонял меня, но и не поощрял, поэтому я не посмела прикоснуться ни к одной книге, хотя мне очень хотелось потрогать мягкую кожу на переплетах. Я только робко рассматривала сбоку заголовки – тут были французские, английские книги, а некоторые на совершенно непонятных языках. Я часами могла бы любоваться ими, но мать позвала меня в дом.

И вот, еще не зная тебя, я весь вечер думала о тебе. У меня самой был только десяток дешевых книжек в истрепанных бумажных переплетах, которые я все очень любила и постоянно перечитывала. Меня страшно занимала мысль, каким

же должен быть человек, который прочел столько прекрасных книг, знает столько языков, который так богат и в то же время так образован. Мне казалось, что таким ученым может быть только какое-нибудь сверхъестественное существо. Я пыталась мысленно нарисовать твой портрет; я воображала тебя стариком, в очках и с длинной белой бородой, похожим на нашего учителя географии, только гораздо добрее, красивее и мягче. Не знаю почему, но, даже когда ты еще представлялся мне стариком, я уже была уверена, что ты должен быть красив. Тогда, в ту ночь, еще не зная тебя, я в первый раз видела тебя во сне.

На следующий день ты переехал, но сколько я ни подглядывала, мне не удалось посмотреть на тебя, и это еще больше возбудило мое любопытство. Наконец, на третий день, я увидела тебя, и как же я была поражена, когда ты оказался совсем другим, ничуть не похожим на образ «боженьки», созданный моим детским воображением. Я грезилась о добродушном старце в очках, и вот явился ты – ты, точно такой, как сегодня, ты, не меняющийся, на ком годы не оставляют следов! На тебе был восхитительный светло-коричневый спортивный костюм, и ты своей удивительно легкой, юношеской походкой, прыгая через две ступеньки, поднимался по лестнице. Шляпу ты держал в руке, и я с неописуемым изумлением увидела твое юное оживленное лицо и светлые волосы. Уверяю тебя – я прямо испугалась, до того меня потрясло, что ты такой молодой, красивый, такой стройный и

изящный. И разве не странно: в этот первый миг я сразу ясно ощутила то, что и меня и всех других всегда так поражало в тебе, — твою двойственность: ты — пылкий, легкомысленный, увлекающийся игрой и приключениями юноша и в то же время в своем творчестве неумолимо строгий, верный долгу, бесконечно начитанный и образованный человек. Я безотчетно поняла, как понимали все, что ты живешь двойной жизнью: своей яркой, пестрой стороной она обращена к внешнему миру, а другую, темную, знаешь только ты один; это глубочайшее раздвоение, эту тайну твоего бытия я, тринадцатилетняя девочка, замороженная тобой, ощутила с первого взгляда.

Понимаешь ли ты теперь, любимый, каким чудом, какой заманчивой загадкой стал ты для меня, полуребенка! Человек, перед которым преклонялись, потому что он писал книги, потому что он был знаменит в чуждом мне большом мире, вдруг оказался молодым, юношески веселым двадцатипятилетним щеголем! Нужно ли говорить о том, что с этого дня в нашем доме, во всем моем скудном детском мирке меня ничто больше не занимало, кроме тебя, что я со всей настойчивостью, со всем цепким упорством тринадцатилетней девочки думала только о тебе, о твоей жизни. Я изучала тебя, изучала твои привычки, приходивших к тебе людей, и все это не только не утоляло моего любопытства, но еще усиливало его, потому что двойственность твоя отчетливо отражалась в разнородности твоих посетителей. Приходили

молодые люди, твои приятели, с которыми ты смеялся и шутил; приходили оборванные студенты; а то подъезжали в автомобилях дамы; однажды явился директор оперного театра, знаменитый дирижер, которого я только издали видела с дирижерской палочкой в руках; бывали молоденькие девушки, еще ходившие в коммерческую школу, которые смущались и спешили поскорее юркнуть в дверь, – вообще много, очень много женщин. Я особенно над этим не задумывалась, даже после того, как однажды утром, отправляясь в школу, увидела уходившую от тебя даму под густой вуалью. Мне ведь было только тринадцать лет, и я не знала, что страстное любопытство, с которым я подкарауливала и подстерегала тебя, уже означало любовь.

Но я знаю, любимый, совершенно точно день и час, когда я всей душой и навек отдалась тебе. Возвратившись с прогулки, я и моя школьная подруга, болтая, стояли у подъезда. В это время подъехал автомобиль, и не успел он остановиться, как ты, со свойственной тебе быстротой и гибкостью движений, которые и сейчас еще пленяют меня, соскочил с подножки. Невольно я бросилась к двери, чтобы открыть ее для тебя, и мы чуть не столкнулись. Ты взглянул на меня теплым, мягким, обволакивающим взглядом и ласково улыбнулся мне – да, именно ласково улыбнулся мне и негромко сказал дружеским тоном: «Большое спасибо, фройлейн».

Вот и все, любимый; но с той самой минуты, как я почувствовала на себе твой мягкий, ласковый взгляд, я была

твоя. Позже, и даже очень скоро, я узнала, что ты даришь этот обнимающий, зовущий, обволакивающий и в то же время раздевающий взгляд, взгляд прирожденного соблазнителя, каждой женщине, которая проходит мимо тебя, каждой продавщице в лавке, каждой горничной, которая открывает тебе дверь, – узнала, что этот взгляд не зависит от твоей воли и не выражает никаких чувств, а лишь неизменно сам собой становится теплым и ласковым, когда ты обращаешь его на женщин. Но я, тринадцатилетний ребенок, этого не подозревала, – меня точно огнем опалило. Я думала, что эта ласка только для меня, для меня одной, и в этот миг во мне, подростке, проснулась женщина, и она навек стала твоей.

– Кто это? – спросила меня подруга. Я не могла ей сразу ответить. Я не могла заставить себя произнести твое имя: в этот миг оно уже стало для меня священным, стало моей тайной.

– Просто один из жильцов нашего дома, – неловко пробормотала я.

– Почему же ты так покраснела? – с детской жестокостью злорадно засмеялась подруга. И потому что она, издеваясь надо мной, коснулась моей тайны, кровь еще горячее прилила к моим щекам. От смущения я ответила грубостью и крикнула:

– Дура набитая! – Я готова была ее задушить, но она захотала еще громче и насмешливее; наконец, слезы бессильного гнева выступили у меня на глазах. Я повернулась к ней

спиной и убежала наверх.

С этого мгновения я полюбила тебя. Я знаю, женщины часто говорили тебе, своему баловню, эти слова. Но поверь мне, никто не любил тебя с такой рабской преданностью, с таким самоотвержением, как то существо, которым я была и которым навсегда осталась для тебя, потому что ничто на свете не может сравниться с потаенной любовью ребенка, такой непритязательной, беззаветной, такой покорной, насто-роженной и пылкой, какой никогда не бывает требователь-ная и – пусть бессознательно – домогающаяся взаимности любовь взрослой женщины. Только одинокие дети могут все-цело затаить в себе свою страсть, другие выбалтывают свое чувство подругам, притупляют его признаниями, – они ча-сто слышали и читали о любви и знают, что она неизбежный удел всех людей. Они тешатся ею, как игрушкой, хвастают ею, как мальчишки своей первой выкуренной папиросой. Но я – у меня не было никого, кому бы я могла довериться, ни-кто не наставлял и не предостерегал меня, я была неопытна и наивна; я ринулась в свою судьбу, как в пропасть. Все, что во мне бродило, все, что зрело, я поверяла только тебе, только образу моих грез; отец мой давно умер, от матери, с ее посто-янной озабоченностью бедной вдовы, живущей на пенсию, я была далека, легкомысленные школьные подруги отталкива-ли меня, потому что они беспечно играли тем, что было для меня высшей страстью, – и все то, что обычно дробится и расщепляется в душе, все мои подавляемые, но нетерпеливо

пробивающиеся чувства устремились к тебе. Ты был для меня – как объяснить тебе? любое сравнение, взятое в отдельности, слишком узко, – ты был именно всем для меня, всей моей жизнью. Все существовало лишь постольку, поскольку имело отношение к тебе, все в моей жизни лишь в том случае приобретало смысл, если было связано с тобой. Ты изменил всю мою жизнь. До тех пор равнодушная и посредственная ученица, я неожиданно стала первой в классе; я читала сотни книг, читала до глубокой ночи, потому что знала, что ты любишь книги; к удивлению матери, я вдруг начала с неистовым усердием упражняться в игре на рояле, так как предполагала, что ты любишь музыку. Я чистила и чинила свои платья, чтобы не попасться тебе на глаза неряшливо одетой, и я ужасно страдала от четырехугольной заплатки на моем школьном переднике, перешитом из старого платья матери. Я боялась, что ты заметишь эту заплатку и станешь меня презирать, поэтому, взбегая по лестнице, я всегда прижимала к левому боку сумку с книгами и тряслась от страха, как бы ты все-таки не увидел этого изъяна. Но как смешон был мой страх – ведь ты никогда, почти никогда на меня не смотрел!

И все же: я весь день только и делала, что ждала тебя, подглядывала за тобою. В нашей двери был круглый, в медной оправе, глазок, сквозь который можно было видеть твою дверь. Это отверстие – нет, не смейся, любимый, даже теперь, даже теперь я не стыжусь проведенных возле него ча-

сов! — было моим окном в мир; там, в ледяной прихожей, боясь, как бы не догадалась мать, я просиживала в засаде, с книгой в руках, целые вечера. Я была словно натянутая струна, начинавшая дрожать при твоём приближении. Я никогда не оставляла тебя; неотступно, с напряженным вниманием следила за тобой, но для тебя это было так же незаметно, как напряжение пружины часов, которые ты носишь в кармане и которые во мраке терпеливо отсчитывают и отмеряют твои дни и сопровождают тебя на твоих путях неслышным бие-нием сердца, а ты лишь в одну из миллионов отстукиваемых ими секунд бросаешь на них беглый взгляд. Я знала о тебе все, знала все твои привычки, все твои галстуки, все костюмы; я знала и скоро научилась различать всех твоих знакомых, я делила их на тех, кто мне нравился, и на тех, кого ненавидела; с тринадцати до шестнадцати лет я жила только тобой. Ах, сколько я делала глупостей! Я целовала ручку двери, к которой прикасалась твоя рука, я подобрала окуроч сигары, который ты бросил, прежде чем войти к себе, и он был для меня священен, потому что к нему прикасались твои губы. По вечерам я сотни раз под каким-нибудь предлогом выбегала на улицу, чтобы посмотреть, в какой комнате горит у тебя свет, и сильнее ощутить твое незримое присутствие. А во время твоих отлучек, — у меня сердце сжималось от страха каждый раз, когда я видела славного Иоганна спускающимся вниз с твоим желтым чемоданом, — моя жизнь на долгие недели замирала и теряла всякий смысл. Угрюмая, скучаю-

щая, злая, слонялась я по дому, в вечном страхе, как бы мать по моим заплаканным глазам не заметила моего отчаяния.

Я знаю: все, что я тебе рассказываю, – смешные ребячливые выходки. Мне следовало бы стыдиться их, но я не стыжусь, потому что никогда моя любовь к тебе не была чище и пламеннее, чем в то далекое время детских восторгов. Целыми часами, целыми днями могла бы я рассказывать тебе, как я тогда жила тобой, почти не зная твоих лица, потому что при встречах на лестнице я, страшаясь твоего обжигающего взгляда, опускала голову и мчалась мимо, словно человек, бросающийся в воду, чтобы спастись от огня. Целыми часами, целыми днями могла бы я рассказывать тебе о тех давно забытых тобой годах, могла бы развернуть перед тобой полный календарь твоей жизни; но я не хочу докучать тебе, не хочу тебя мучить. Я только еще расскажу тебе о самом радостном событии моего детства, и, прошу тебя, не смейся надо мной, потому что как оно ни ничтожно – для меня, ребенка, это было бесконечным счастьем. Случилось это, вероятно, в один из воскресных дней; ты был в отъезде, и твой слуга втаскивал через открытую дверь квартиры только что выколотенные им тяжелые ковры. Старику было трудно, и я, внезапно расхрабрившись, подошла к нему и спросила, не могу ли я ему помочь. Он удивился, но не отверг мою помощь, и таким образом я увидела – если бы только я могла выразить, с каким почтением, с каким благоговейным трепетом! – увидела внутренность твоей квартиры, твой мир, твой

письменный стол, за которым ты работал, на нем цветы в синей хрустальной вазе, твои шкафы, картины, книги. Я успела лишь бросить украдкой беглый взгляд на твою жизнь, потому что верный Иоганн, конечно, не позволил бы мне присмотреться ближе, но этим одним-единственным взглядом я впитала в себя всю атмосферу твоей квартиры, и это дало обильную пищу моим бесконечным грезам о тебе во сне и наяву.

Это событие, этот краткий миг был счастливейшим в моем детстве. Я хотела рассказать тебе о нем для того, чтобы ты, не знающий меня, наконец почувствовал, как человеческая жизнь горела и сгорала подле тебя. Об этом событии я хотела рассказать тебе и еще о другом, ужаснейшем, которое, увы, последовало очень скоро за первым. Как я тебе уже говорила, я ради тебя забыла обо всем, не замечала матери и ни на кого и ни на что не обращала внимания. Я проглядела, что один пожилой господин, купец из Инсбрука, дальний свойственник матери, начал часто бывать и засиживаться у нас; я даже радовалась этому, потому что он иногда водил маму в театр и я, оставшись одна, могла без помехи думать о тебе, подстерегать тебя, а это было моим высшим, моим единственным счастьем. И вот однажды мать с некоторой торжественностью позвала меня в свою комнату и сказала, что ей нужно серьезно поговорить со мной. Я побледнела, у меня сильно забилося сердце, — уж не возникло ли у нее подозрение, не догадалась ли она о чем-нибудь? Моя первая

мысль была о тебе, о тайне, связывавшей меня с миром. Но мать сама казалась смущенной; она нежно поцеловала меня (чего никогда не делала) раз и другой, посадила меня рядом с собой на диван и начала, запинаясь и краснея, рассказывать, что ее родственник-вдовец сделал ей предложение и что она, главным образом ради меня, решила его принять. Еще горячее забилося у меня сердце, — только одной мыслью откликнулась я на слова матери, мыслью о тебе. «Но мы ведь останемся здесь?» — с трудом промолвила я. «Нет, мы переедем в Инсбрук, там у Фердинанда прекрасная вилла». Больше я ничего не слыхала. У меня потемнело в глазах. Потом я узнала, что была в обмороке. Я слышала, как мать вполголоса рассказывала ожидавшему за дверью отчиму, что я вдруг отшатнулась и, вскинув руки, рухнула на пол. Не могу тебе описать, что происходило в ближайшие дни, как я, беспомощный ребенок, боролась против всесильной воли взрослых. Даже сейчас, когда я пишу об этом, у меня дрожит рука. Я не могла выдать свою тайну, поэтому мое сопротивление казалось просто строптивостью, злобным упрямством. Никто больше со мной не заговаривал, все делалось за моей спиной. Для подготовки к переезду пользовались теми часами, когда я была в школе; каждый день, вернувшись домой, я видела, что еще одна вещь продана или увезена. На моих глазах разрушалась наша квартира, а с нею и моя жизнь, и однажды, придя из школы, я узнала, что у нас побывали упаковщики мебели и все вынесли. В пустых комнатах стояли

приготовленные к отправке сундуки и две складные койки – для матери и для меня: здесь мы должны были провести еще одну ночь, последнюю, а утром – уехать в Инсбрук.

В этот последний день я с полной ясностью поняла, что не могу жить вдали от тебя. В тебе одном я видела свое спасение. Что я тогда думала и могла ли вообще в эти часы отчаяния разумно рассуждать, этого я никогда не узнаю, но вдруг – мать куда-то отлучилась – я вскочила и как была, в школьном платице, пошла к тебе. Нет, я не шла, какая-то неодолимая сила толкала меня к твоей двери; я вся дрожала и с трудом передвигала одеревеневшие ноги. Я была готова – я и сама не знала точно, чего я хотела – упасть к твоим ногам, молить тебя оставить меня у себя как служанку, как рабыню! Боюсь, что ты посмеешься над одержимостью пятнадцатилетней девочки; но, любимый, ты не стал бы смеяться, если бы знал, как я стояла тогда на холодной площадке, скованная страхом, и все же, подчиняясь какой-то неведомой силе, заставила мою дрожащую руку, словно отрывая ее от тела, подняться и после короткой жестокой борьбы, продолжавшейся целую вечность, нажать пальцем кнопку звонка. Я по сей день слышу резкий, пронзительный звон и сменившую его тишину, когда вся кровь во мне застыла, когда сердце мое перестало биться и только прислушивалось, не идешь ли ты.

Но ты не вышел. Не вышел никто. Очевидно, тебя не было дома, а Иоганн тоже ушел за какими-нибудь покупками. И вот я побрела, унося в ушах мертвый отзвук звонка, назад

в нашу разоренную, опустошенную квартиру и в изнеможении упала на какой-то тюк. От пройденных мною четырех шагов я устала больше, чем если бы несколько часов ходила по глубокому снегу. Но, невзирая ни на что, во мне ярче и ярче разгоралась решимость увидеть тебя, поговорить с тобой, прежде чем меня увезут. Клянусь тебе, ничего другого у меня и в мыслях не было, я еще ни о чем не знала именно потому, что ни о чем, кроме тебя, не думала; я хотела только увидеть тебя, еще раз увидеть, почувствовать твою близость. Всю ночь, всю эту долгую, ужасную ночь я прождала тебя, любимый. Как только мать легла в постель и заснула, я проскользнула в прихожую и стала прислушиваться, не идешь ли ты. Я прождала всю ночь, всю ледяную январскую ночь. Я устала, все тело ломило, и не было даже стула, чтобы присесть; тогда я легла прямо на холодный пол, где сильно дуло из-под двери. В одном лишь тоненьком платье лежала я на жестком голом полу – я даже не завернулась в одеяло, я боялась, что, согревшись, усну и не услышу твоих шагов. Мне было больно, я судорожно поджимала ноги, руки тряслись; приходилось то и дело вставать, чтобы хоть немного согреться, так холодно было в этом ужасном темном углу. Но я все ждала, ждала тебя, как свою судьбу.

Наконец – вероятно, было уже около двух или трех часов – я услышала, как хлопнула внизу входная дверь, и затем на лестнице раздались шаги. В тот же миг я перестала ощущать холод, меня обдало жаром, я тихонько отворила дверь, гото-

вая броситься к тебе навстречу, упасть к твоим ногам... Ах, я даже не знаю, что бы я, глупое дитя, сделала тогда. Шаги приблизились, показался огонек свечи. Дрожа, держалась я за ручку двери. Ты это или кто-нибудь другой?

Да, это был ты, любимый, но ты был не один. Я услышала нервный приглушенный смех, шуршанье шелкового платья и твой тихий голос – ты возвращался домой с какой-то женщиной...

Как я пережила ту ночь, не знаю. Утром, в восемь часов, меня увезли в Инсбрук; у меня больше не было сил сопротивляться.

Мой ребенок вчера ночью умер – теперь я буду опять одна, если мне суждено еще жить. Завтра придут чужие, одетые в черное, развязные люди, принесут с собой гроб, положат в него моего ребенка, мое бедное, мое единственное дитя. Может быть, придут друзья и принесут венки, но что значат цветы возле гроба? Меня станут утешать, говорить мне какие-то слова, слова, слова; но чем это мне поможет? Я знаю, что все равно останусь опять одна. А ведь нет ничего более ужасного, чем одиночество среди людей. Я узнала это тогда, в те бесконечные два года, проведенные в Инсбруке, от шестнадцати до восемнадцати лет, когда я, словно пленница, словно отверженная, жила в своей семье. Отчим, человек очень спокойный, скупой на слова, хорошо относился ко мне; мать, словно стараясь загладить какую-то нечаянную вину передо мной, исполняла все мои желания; молодые лю-

ди домогались моего расположения, но я отталкивала всех с каким-то страстным упорством. Я не хотела быть счастливой, не хотела быть довольной – вдали от тебя. Я нарочно замыкалась в мрачном мире самоистязания и одиночества. Новых платьев, которые мне покупали, я не надевала; я отказывалась посещать концерты и театры, принимать участие в пикниках. Я почти не выходила из дому – поверишь ли ты, любимый, что я едва знаю десяток улиц этого маленького городка, где прожила целых два года? Я горевала и хотела горевать, я опьяняла себя каждой каплей горечи, которой могла усугубить мое неутешное горе – не видеть тебя. И, кроме того, я не хотела, чтобы меня отвлекали от моей страсти, хотела жить только тобой. Я сидела дома одна, целыми днями ничего не делала и только думала о тебе, снова и снова перебирая тысячу мелких воспоминаний о тебе, каждую встречу, каждое ожидание; я как на сцене разыгрывала в своем воображении все эти мелкие малозначащие случаи. И оттого, что я без конца повторяла минувшие мгновения, все мое детство с такой яркостью запечатлелось в моей памяти и все испытанное мной в те далекие годы я ощущаю так ясно и горячо, как если бы это только вчера волновало мне кровь.

Только тобой жила я то время. Я покупала все твои книги; когда твое имя упоминалось в газете, это было для меня праздником. Поверишь ли ты, я знаю наизусть все твои книги, так часто я их перечитывала. Если бы меня разбудили ночью и прочли мне наугад выхваченную строку, я могла

бы еще теперь, через тринадцать лет, продолжить ее без запинки; каждое твое слово было для меня как Евангелие, как молитва. Весь мир существовал только в его связи с тобой; я читала в венских газетах о концертах, о премьерах с одной лишь мыслью, какие из них могут привлечь тебя, а когда наступал вечер, я издали сопровождала тебя: вот тыходишь в зал, вот садишься на свое место. Тысячи раз представляла я себе это, потому что один-единственный раз видела тебя в концерте.

Но к чему рассказывать обо всем этом, об исступленном, трагически бесцельном самоистязании одинокого ребенка, зачем это рассказывать тому, кто никогда ни о чем не подозревал, никогда ни о чем не догадывался? Впрочем, была ли я тогда еще ребенком? Мне исполнилось семнадцать, восемнадцать лет, — на меня начали оглядываться на улице молодые люди, но это только сердило меня. Любовь, или только игра в любовь, к кому-нибудь, кроме тебя, была для меня немыслима, невозможна, одно уж поползновение на это я сочла бы за измену. Моя страсть к тебе оставалась неизменной, но с окончанием детства, с пробуждением чувств она стала более пламенной, более женственной и земной. И то, чего не понимала девочка, которая, повинувшись безотчетному порыву, позвонила у твоей двери, стало теперь моей единственной мыслью: подарить себя, отдаться тебе.

Окружающие считали меня робкой, называли дикаркой, ибо я, стиснув зубы, хранила свою тайну. Но во мне зре-

ла железная решимость. Все мои мысли и стремления были направлены на одно: назад в Вену, назад к тебе. И я добилась своего, каким бессмысленным и непонятым ни казалось всем мое поведение. Отчим был состоятельный человек и смотрел на меня как на свою дочь. Но я с ожесточением настаивала на том, что хочу сама зарабатывать на жизнь, и наконец мне удалось уехать в Вену и поступить к одному родственнику в его магазин готового платья.

Нужно ли говорить тебе, куда лежал мой первый путь, когда в туманный осенний вечер – наконец-то, наконец! – я очутилась в Вене? Оставив чемоданы на вокзале, я вскочила в трамвай – мне казалось, что он ползет, каждая остановка выводила меня из себя – и бросилась к нашему старому дому. В твоих окнах был свет, сердце пело у меня в груди. Лишь теперь ожил для меня город, встретивший меня так холодно и оглушивший бессмысленным шумом, лишь теперь ожила я сама, ощущая твою близость, тебя, мою немеркнущую мечту. Я ведь не сознавала, что равно чужда тебе вдали, за горами, долами и реками, и теперь, когда только тонкое освещенное стекло в твоём окне отделяло тебя от моего сияющего взгляда. Я все стояла и смотрела вверх; там был свет, родной дом, ты, весь мой мир. Два года я мечтала об этом часе, и вот он был мне дарован. Я простояла под твоими окнами весь долгий, тёплый, мглистый вечер, пока не погас свет. Тогда лишь отправилась я искать свое новое жильё.

Каждый вечер простаивала я так под твоими окнами. До

шести я была занята в магазине, занята тяжелой, изнурительной работой; но я радовалась этой беспокойной суете, потому что она отвлекала меня от мучительного беспокойства во мне самой. И как только железные ставни с грохотом опускались за мной, я бежала к твоему дому. Увидеть тебя, встретиться с тобой было моим единственным желанием; еще хоть раз, издали, охватить взглядом твое лицо! Прошло около недели, и наконец я встретила тебя, встретила нечаянно, когда никак этого не ожидала. Я стояла перед домом и смотрела на твои окна, и в эту минуту ты пересек улицу. И вдруг я опять стала тринадцатилетним ребенком — я почувствовала, как кровь прихлынула к моим щекам, и невольно, вопреки страстному желанию ощутить на себе твой взгляд, я опустила голову и стрелой промчалась мимо тебя. Потом я устыдилась этого малодушного бегства, — я ведь была уже не школьница и хорошо понимала, чего хочу: я искала встречи с тобой, я хотела, чтобы, после долгих сумеречных лет тоски по тебе, ты меня узнал, хотела, чтобы ты заметил меня, полюбил.

Но ты долго не замечал меня, хотя я каждый вечер, невзирая на метель и резкий, пронизывающий венский ветер, простаивала на твоей улице. Иногда я целыми часами ждала напрасно, иногда ты выходил наконец из дому в сопровождении приятелей, и два раза я видела тебя с женщинами; и тут я почувствовала, что я уже не девочка, угадала какую-то новизну, перемену в моей любви к тебе по внезапной острой

боли, разрывающей мне сердце, стоило мне увидеть чужую женщину, так уверенно идущей рука об руку с тобой. Это не было неожиданностью для меня: я ведь с малых лет знала, что у тебя постоянно бывают женщины, но теперь это причиняло мне физическую боль, и я с завистливой неприязнью смотрела на эту очевидную, тесную близость с другой. Однажды – по-детски упрямая и гордая, какой я была и, может быть, осталась до сих пор, – я возмутилась и не пошла к твоему дому; но каким ужасно пустым показался мне этот вечер! На другой день я опять смиренно стояла перед твоими окнами, стояла и ждала, как я простояла весь свой век перед твоей закрытой для меня жизнью.

И наконец настал вечер, когда ты заметил меня. Я уже издали тебя увидела и напрягла всю свою волю, чтобы не уклониться от встречи с тобой. Случайно на улице как раз разгружали какую-то подводку, и тебе пришлось пройти вплотную мимо меня. Ты рассеянно взглянул на меня, но в тот же миг, как только ты почувствовал пристальность моего взгляда, в твоих глазах появилось уже знакомое мне выражение – о, как страшно мне было вспомнить об этом! – тот предназначенный женщинам взгляд, нежный, обволакивающий и в то же время раздевающий, тот объемлющий и уже властный взгляд, который когда-то превратил меня, ребенка, в любящую женщину. Секунду-другую этот взгляд приковывал меня – я не могла и не хотела отвести глаза, – и вот ты прошел уже мимо. У меня неистово билось сердце; невольно я замед-

лила шаги и, уступая непреодолимому любопытству, оглянулась: ты остановился и смотрел мне вслед. И по вниманию и интересу, с каким ты меня разглядывал, я сразу поняла, что ты меня не узнал.

Ты не узнал меня ни тогда, ни после; ты никогда не узнавал меня. Как передать тебе, любимый, все разочарование той минуты? Ведь тогда в первый раз я испытала то, на что обрекла меня судьба, – быть не узнанной тобой всю жизнь, до самой смерти. Как передать тебе мое разочарование! Видишь ли, в те два года жизни в Инсбруке, когда я неустанно думала о тебе и только и делала, что мечтала о нашей будущей встрече в Вене, я, смотря по настроению, рисовала себе самые печальные картины наряду с самыми упоительными. Все было пережито в воображении; в мрачные минуты я предвидела, что ты оттолкнешь меня, с презрением отвернешься от меня, потому что я слишком ничтожна, некрасива, навязчива. Я мысленно вытерпела все муки, причиненные твоей неприязнью, холодностью, равнодушием, но даже в минуты отчаяния, когда я особенно остро сознавала себя недостойной твоей любви, я и мысли не допускала о самом страшном, убийственном: что ты вообще не заметил моего существования. Теперь-то я понимаю, – о, ты научил меня понимать! – как изменчиво для мужчины лицо девушки, женщины, ибо чаще всего оно лишь зеркало, отражающее то страсть, то детскую прихоть, то душевное утомление, и расплывается, исчезает из памяти так же легко, как отраже-

ние в зеркале; поэтому мужчине трудно узнать женщину, если годы изменили на ее лице игру света и тени, если одежда создала для нее новую рамку. Поистине мудр только тот, кто покорился своей судьбе. Но я была еще очень молода, и твоя забывчивость казалась мне непостижимой, тем более что, непрестанно думая о тебе, я обольщала себя мыслью, что и ты часто вспоминаешь обо мне и ждешь меня; как могла бы я жить, зная, что я для тебя ничто, что даже мимолетное воспоминание обо мне никогда не тревожит тебя! И это пробуждение к действительности под твоим взглядом, показавшим мне, что ничто не напомнило тебе обо мне, что ни единая, даже тончайшая, нить воспоминания не протянута от твоей жизни к моей, – было первым жестоким ударом, первым предчувствием моей судьбы.

Ты не узнал меня в тот раз. И когда через два дня при новой встрече ты взглянул на меня почти как на знакомую, ты опять узнал во мне не ту, которая любила тебя, а только хорошенькую восемнадцатилетнюю девушку, встретившуюся тебе на том же месте два дня назад. Ты посмотрел на меня удивленно и приветливо, и легкая улыбка играла на твоих губах. Ты опять прошел мимо меня и, как в тот раз, тотчас же замедлил шаг, – я дрожала, я блаженствовала, я молилась о том, чтобы ты заговорил со мной. Я поняла, что впервые я для тебя живое существо; я тоже пошла тише, я не бежала от тебя. И вдруг я почувствовала, что ты идешь за мной: не оглядываясь, я уже знала, что сейчас услышу твой люби-

мый голос и ты впервые обратишься ко мне. Я вся оцепенела от ожидания, и сердце так колотилось, что мне чуть не пришлось остановиться, но ты уже догнал меня. Ты заговорил со мной с твоей обычной легкостью и веселостью, словно мы были старые знакомые, — ах, ты ведь ничего не знал, ты никогда ничего не знал о моей жизни! — с такой чарующей непринужденностью заговорил ты со мной, что я даже нашла в себе силы отвечать тебе. Мы дошли до угла. Потом ты спросил, не поужинаем ли мы вместе; я сказала «да». В чем я посмела бы отказать тебе?

Мы поужинали вдвоем в небольшом ресторане — помнишь ли ты, где это было? Ах нет, ты, наверное, не можешь отличить этот вечер от других таких же вечеров, ибо кем я была для тебя? Одной из сотен, случайным приключением, звеном в бесконечной цепи. Да и что могло бы напомнить тебе обо мне? Я почти не говорила, это было слишком большое счастье — сидеть подле тебя, слушать твой голос. Я боялась задать вопрос, сказать лишнее слово, чтобы не потерять ни одного драгоценного мгновения. Я всегда с благодарностью вспоминаю, с какой полнотой ты оправдал мои благоговейные ожидания, как чуток ты был, как прост и естественен, без всякой навязчивости, без любезничания; с первой же минуты ты говорил со мной так непринужденно и дружелюбно, что одним этим ты покоришь меня, если бы я уже давно всеми своими помыслами, всем своим существом не была твоей. Ах, ты ведь не знаешь, какую великую мечту ты

для меня осуществил, не обманув моего пятилетнего ожидания!

Было уже поздно, когда мы встали из-за стола. У выхода из ресторана ты спросил меня, спешу ли я или располагаю еще временем. Могла ли я скрыть от тебя мою готовность идти за тобой! Я сказала, что у меня еще есть время. Тогда ты, на секунду замявшись, спросил, не зайду ли я к тебе поболтать. «Охотно!» – повинувшись непосредственному чувству, сказала я и тут же заметила, что поспешность моего ответа не то покорила, не то обрадовала тебя, но явно поразила. Теперь я понимаю твое удивление: я знаю, что женщины обычно скрывают готовность отдаться, даже если втайне горят желанием, разыгрывают испуг или возмущение и уступают только после настойчивых просьб, заверений, клятв и ложных обещаний. Я знаю, что, может быть, только те, для кого любовь ремесло, только проститутки отвечают немедленным полным согласием на подобное приглашение или же очень юные, совсем неопытные девушки. Но в моем ответе – как мог ты об этом подозревать? – была лишь претворенная в слово упорная воля, неудержимо прорвавшаяся тоска тысячи томительных дней. Так или иначе, ты был изумлен, я заинтересовала тебя. Я заметила, что ты украдкой, с удивлением, посматриваешь на меня. Твое безошибочное чутье, твое вещее знание всего человеческого сразу подсказало тебе, что какая-то загадка, что-то необычное таится в этой миловидной, доверчивой девушке. В тебе проснулось любопытство,

и по твоим осторожным, испытывающим вопросам я поняла, что ты стараешься разгадать эту загадку. Но я уклонилась от прямых ответов: я предпочитала показаться тебе глупой, чем выдать свою тайну.

Мы поднялись к тебе. Прости, любимый, если я скажу тебе, что ты не можешь понять смятение, с каким я вошла в подъезд, поднялась по ступеням, какое это было пьянящее, исступленное, мучительное, почти смертельное счастье. Мне и теперь трудно без слез вспоминать об этом, а ведь у меня больше нет слез. Но ты вдумайся в то, что ведь все там было как бы пронизано моей страстной любовью, все было символом моего детства, моей тоски: подъезд, перед которым я тысячу раз ждала тебя, лестница, где я прислушивалась к твоим шагам и где впервые увидела тебя, глазок, откуда я следила за тобой, когда всей душой рвалась к тебе; коврик перед твоей дверью, где я однажды стояла на коленях, щелканье ключа в замке — сколько раз я вскакивала, услышав этот звук! Все детство, вся моя страсть запечатлелись на этом тесном пространстве; здесь приютилась вся моя жизнь, и теперь она бурей обрушилась на меня: ведь все, все сбылось, и я шла с тобой — с тобой! — по твоему, по нашему дому. Подумай, — это звучит банально, но я не умею иначе сказать, — вся жизнь для меня, вплоть до твоей двери, была действительность, тупая повседневность, а за ней начиналось волшебное царство ребенка, царство Аладдина; подумай, что я тысячу раз горящими глазами смотрела на эту

дверь, в которую теперь вошла, и ты почувствуешь, — только почувствуешь, но никогда не поймешь до конца, любимый! — чем был в моей жизни этот неповторимый миг.

Я оставалась у тебя всю ночь. Ты и не подозревал, что до тебя ни один мужчина не прикоснулся ко мне и не видел моего тела. Да и как ты мог заподозрить это, любимый, — я не противилась тебе, я подавила в себе чувство стыда, лишь бы ты не разгадал тайну моей любви к тебе, ведь она, наверное, испугала бы тебя, потому что ты любишь только все легкое, невесомое, мимолетное, ты боишься вмешаться в чью-нибудь судьбу. Ты расточаешь себя, отдаешь себя всему миру и не хочешь жертв. Если я теперь говорю тебе, любимый, что я отдалась тебе первому, то умоляю тебя: не пойми меня превратно! Я ведь не виню тебя, ты не заманивал меня, не лгал, не соблазнял — я, я сама пришла к тебе, бросилась в твои объятия, бросилась навстречу своей судьбе. Никогда, никогда не стану я обвинять тебя, нет, я всегда буду благодарна тебе, потому что как богата, как озарена счастьем, как напоена блаженством была для меня эта ночь! Когда я в темноте открывала глаза и чувствовала тебя рядом с собой, я удивлялась, что надо мной не звездное небо. Нет, я никогда ни о чем не жалела, любимый, этот час искупил все. И я помню, что, слыша твое сонное дыхание, чувствуя тебя так близко подле себя, я плакала в темноте от счастья.

Утром я заторопилась уходить. Мне нужно было вовремя поспеть в магазин, и, кроме того, я решила уйти раньше, чем

придет твой слуга, — я не хотела, чтобы он меня видел. Когда я, уже одетая, стояла пред тобой, ты обнял меня и долго смотрел мне в лицо; мелькнуло ли у тебя воспоминание, далекое и смутное, или просто я показалась тебе красивой оттого, что вся дышала счастьем? Потом ты поцеловал меня в губы. Я тихонько отстранила тебя и повернулась к двери. Ты спросил меня: «Хочешь взять с собой цветы?» Я сказала: «Да». Ты вынул четыре белые розы из синей хрустальной вазы на письменном столе (о, я знала эту вазу еще с того времени, когда ребенком заглянула в твою квартиру). Ты дал мне эти розы, и я еще много дней целовала их.

Мы условились встретиться еще раз. Я пришла, и опять все было чудесно. Еще одну, третью ночь подарил ты мне. Потом ты сказал, что тебе нужно уехать — как я с самого детства ненавидела эти путешествия! — и обещал сейчас же известить меня, когда вернешься домой. Я дала тебе адрес — до востребования; своего имени я не хотела тебе назвать. Я оберегала свою тайну. Ты опять на прощанье дал мне розы — на прощанье!

Каждый день, два месяца подряд, я справлялась... нет, не надо, к чему описывать все эти муки ожидания и отчаяния? Я не виню тебя, я люблю тебя таким, каков ты есть, пылким и забывчивым, увлекающимся и неверным, я люблю тебя таким, только таким, каким ты был всегда, каким остался и поныне. Ты давно уже вернулся, я видела это по твоим освещенным окнам, но ты мне не написал. У меня нет ни строчки

от тебя в этот мой последний час, ни строчки от тебя, кому я отдала всю свою жизнь. Я ждала, ждала с долготерпением отчаяния. Но ты не позвал меня, не написал ни строчки... ни строчки...

Мой ребенок вчера умер – это был и твой ребенок. Это был и твой ребенок, любимый, – дитя одной из тех трех ночей; я клянусь тебе в этом, и ты знаешь, что перед лицом смерти не лгут. Это было наше дитя, клянусь тебе, потому что ни один мужчина не прикоснулся ко мне с того часа, как я отдалась тебе, до другого часа, когда мое дитя исторгли из меня. Мое тело казалось мне священным с тех пор, как его касался ты. Как могла бы я делить себя между тобой, который был для меня всем, и другими, лишь мимолетно появлявшимися в моей жизни? Это было наше дитя, любимый, дитя моей глубокой любви и твоей беззаботной, расточительной, почти бессознательной ласки, наш ребенок, наш сын, наше единственное дитя. Но ты спросишь меня – быть может, с испугом, быть может, только удивленно, – ты спросишь меня, любимый, почему все долгие годы я молчала о нашем ребенке и говорю о нем только сегодня, когда он лежит здесь в темноте, уснув навеки, когда он скоро уйдет и уже никогда, никогда не вернется. Но как я могла сказать тебе? Ты ни за что не поверил бы мне, незнакомой женщине, случайной подруге трех ночей, без сопротивления, по первому твоему слову отдавшей тебе, ты не поверил бы мне, безыменной участнице мимолетной встречи, что я осталась

тебе верна, тебе, неверному, и лишь с сомнением признал бы ты этого ребенка своим! Никогда, даже если бы слова мои показались тебе правдоподобными, не мог бы ты освободиться от тайной мысли, что я пытаюсь навязать тебе, состоятельному человеку, заботу о чужом ребенке. Ты отнесся бы ко мне с подозрением, и между нами осталась бы тень, смутная, неуловимая тень недоверия. Этого я не хотела. И потом, я ведь знала тебя; я знала тебя так, как ты сам едва ли знаешь себя, и я понимала, что тебе, любящему только все беззаботное, легкое, ищущему в любви только игру, было бы тягостно вдруг оказаться отцом, вдруг оказаться ответственным за чью-то судьбу. Ты, привыкший к полнейшей свободе, почувствовал бы себя как-то связанным со мной. И ты – я знаю, это не зависело бы от твоей воли, – возненавидел бы меня за то, что я связала тебя. Может быть, на час, может быть, всего на несколько минут я стала бы тебе в тягость, стала бы тебе ненавистна, – я же в своей гордости хотела, чтобы ты всю жизнь думал обо мне без забот и тревоги. Я предпочитала взять все на себя, чем стать для тебя обузой, я хотела быть единственной среди любивших тебя женщин, о ком ты всегда думал бы с любовью и благодарностью. Но, увы, ты никогда обо мне не думал, ты забыл меня.

Я не виню тебя, любимый, нет, я не виню тебя! Прости мне, если порою капля горечи просачивается в эти строки, – мое дитя, наше дитя лежит ведь мертвое возле меня под мерцающими свечами; я грозила кулаком Богу и называла Его

убийцей, мысли у меня мешаются. Прости мне жалобу, прости ее мне! Я ведь знаю, ты добр и отзывчив в глубине души, ты помогаешь любому, помогаешь незнакомым людям, всем, кто бы ни обратился к тебе. Но твоя доброта особого свойства, она открыта для всякого, и всякий волен черпать из нее столько, сколько могут захватить его руки; она велика, безгранична, но, прости меня, — она ленива, она ждет напоминания, просьбы. Ты помогаешь, когда тебя зовут, когда тебя просят, помогаешь из стыда, из слабости, но не из радостной готовности помочь. Ты — позволь тебе это сказать откровенно — человека в нужде и горе любишь не больше, чем баловня счастья, каков ты сам. А людей, подобных тебе, даже самых добрых среди них, тяжело просить. Один раз, когда я еще была ребенком, я видела через глазок, как ты подал милостыню нищему, который позвонил у твоей двери. Ты дал ему денег, прежде чем он успел попросить, и дал много, но ты сделал это как-то испуганно и поспешно, с явным желанием, чтобы он поскорее ушел; и казалось, что ты боишься смотреть ему в глаза. Я навсегда запомнила, как торопливо и смущенно, уклоняясь от благодарности, ты оказал помощь этому нищему. Вот почему я никогда и не обращалась к тебе. Конечно, я знаю, что ты помог бы мне тогда и не имея уверенности, что это твой ребенок, ты утешал бы меня, дал бы мне денег, много денег, но все это с тайным желанием поскорее покончить с этой неприятностью; я даже думаю, ты стал бы уговаривать меня предотвратить появление ребенка.

А этого я боялась больше всего – потому что чего бы я не сделала, если бы ты этого пожелал, как могла бы я в чем-нибудь отказать тебе! Но это дитя было для меня всем; оно ведь было от тебя, повторение тебя самого, но все же не ты, счастливый, беззаботный, которого я не могла удержать, а ты, дарованный мне навсегда, так я думала, – ты, заключенный в моем теле, не отделимый от моей жизни. Теперь я наконец обрела тебя, я могла ощущать всем существом своим, как зреет во мне твоя жизнь, могла кормить, поить, ласкать, целовать тебя, когда жаждой ласки горела душа. Вот почему, любимый, я была так счастлива, зная, что ношу твоего ребенка. Вот почему я скрыла это от тебя, – теперь ты уже не мог от меня ускользнуть.

Любимый, я пережила не только месяцы счастья, рисовавшиеся мне в мечтах; на мою долю выпали и месяцы ужаса и муки, полные отвращения перед людской низостью. Мне пришлось нелегко. В магазин я в последние месяцы ходить не могла, так как родственники заметили бы мое положение и сообщили бы об этом домой. Просить денег у матери я не хотела и жила тем, что продавала кое-какие сохранившиеся у меня ценные вещи. За неделю до родов прачка украла у меня из шкафа последние несколько крон, и мне пришлось лечь в родильный приют. Там, куда от горькой нужды приходят только самые бедные, самые отверженные и забытые, там, в омуте нищеты, родилось твое дитя. В приюте было ужасно: все казалось бесконечно чужим, и мы, одиноко ле-

жавшие там, были друг другу чужие и ненавидели друг друга; только общее несчастье, общая мука загнала нас всех в эту душную, пропитанную хлороформом и кровью, полную криков и стонов палату. Все унижения, какие приходится претерпевать обездоленным, стыд, нравственный и физический, испытала я там наравне с проститутками и больными, страдающая от вынужденной близости к ним, от цинизма молодых врачей, которые, усмехаясь, откидывали одеяла и с фальшиво ученым видом трогали беззащитных женщин, от алчности сиделок; о, там человеческую стыдливость распинаят взглядами и бичуют словами. Табличка с именем – вот все, что остается от тебя, а то, что лежит на койке, – просто кусок содрогающегося мяса, предмет, выставленный напоказ для изучения; да, женщины, которые в своем доме дарят ребенка любящему, заботливому мужу, – они не знают, что значит рожать одинокой, беззащитной, чуть ли не на лабораторном столе! И даже теперь, когда мне встречается в книге слово «ад», я невольно вспоминаю о битком набитой смрадной палате, полной стонов, истошного крика и грубого смеха, об этой клоаке позора.

Прости, прости мне, что я об этом говорю. Но я делаю это в первый и в последний раз; никогда, никогда уже не заговорю я об этом. Я молчала одиннадцать лет и скоро умолкну навеки; но хоть один раз я должна дать себе волю, должна крикнуть о том, какой дорогой ценой достался мне ребенок, который был счастьем моей жизни и теперь лежит в кровати.

ке бездыханный. Я давно уже все это забыла, забыла в улыбке ребенка, в его смехе, в своей радости; но теперь, когда он умер, мука вновь оживает, и я не могу не кричать, я должна облегчить душу хоть один-единственный раз. Но я обвиняю не тебя, а только Бога, сделавшего бессмысленной перенесенную мной муку. Клянусь тебе, я не тебя обвиняю, и никогда я в гневе не восставала против тебя. Даже в тот час, когда тело мое корчилось в родовых муках, даже в мгновения, когда боль разрывала мне душу, я не обвиняла тебя перед Богом; никогда не жалела я о тех ночах, никогда не проклинала свою любовь к тебе; я всегда любила тебя, всегда благословляла нашу встречу. И если бы повторились те страшные часы в приюте и я знала бы наперед, что меня ожидает, я пошла бы на это еще раз, любимый мой, еще раз и тысячу раз!

Наш ребенок вчера умер – ты никогда не знал его. Никогда, даже в мимолетной случайной встрече твой взгляд не скользнул по маленькому цветущему созданию, рожденному тобой. Я долго скрывалась от тебя; теперь, когда у меня был ребенок, я, кажется, даже любила тебя более спокойной любовью, по крайней мере она уже не причиняла мне нестерпимых страданий. Я не хотела делить себя между тобой и сыном, и я отдала себя не тебе, баловню счастья, чья жизнь проходила мимо меня, а ребенку, которому я была нужна, которого я должна была кормить, которого я могла целовать и прижимать к груди. Я словно освободилась от власти рока, осудившего меня на страсть к тебе, с тех пор как появился

на свет другой «ты», поистине принадлежавший мне; лишь редко, очень редко я смиренно приближалась к твоему дому. Но ко дню твоего рождения, из года в год, я посылала тебе белые розы, точно такие, какие ты подарил мне тогда, после первой ночи нашей любви. Спросил ли ты себя хоть раз за эти десять, за эти одиннадцать лет, кто их тебе посылает? Быть может, ты вспомнил о той, которой ты однажды подарил такие розы? Я не знаю и никогда не узнаю твоего ответа. Только раз в году протянуть их тебе из мрака, воскресить память о той встрече – большего я не требовала.

Ты не знал нашего бедного ребенка, – сегодня я раскаиваюсь, что скрыла его от тебя, потому что ты любил бы его. Ты не знал нашего бедного мальчика, ты никогда не видел, как он улыбался и широко раскрывал свои темные, вдумчивые глаза – твои глаза! – озаряя их лучистым, радостным светом меня и весь мир. Ах, он был такой веселый, такой милый. В нем по-детски повторилась вся твоя живость, твое стремительное, пылкое воображение. Он мог часами самозабвенно играть с чем-нибудь, как ты играешь с жизнью, а потом подолгу просиживать, сосредоточенно хмурия брови, над своими книжками. Он все больше становился тобой. В нем начала уже явственно проступать присущая тебе двойственность, смесь серьезности и легкомыслия, и чем больше он становился похож на тебя, тем сильнее я любила его. Он хорошо учился, болтал по-французски, как сорока, его тетрадки были самые опрятные во всем классе, и как он был хорош в

своём черном бархатном костюме или в белой матросской курточке! Он всегда оказывался самым изящным, где бы ни появлялся; когда я гуляла с ним по пляжу в Градо¹, женщины останавливались и гладили его длинные светлые волосы; когда он в Земмеринге катался на санках, люди с восхищением оглядывались на него. Он был такой миловидный, такой нежный и ласковый. В минувшем году он поступил в интернат Терезианума² и носил свою форму и маленькую шпагу точно паж восемнадцатого века, – теперь на нем только рубашечка, и он лежит, бедный, с посиневшими губами, и руки сложены на груди.

Но ты, может быть, спросишь, как я могла воспитывать ребенка в такой роскоши, как сумела я доставить ему все радости легкой, беззаботной жизни высшего общества. Любимый мой, я говорю с тобой из мрака, я не стыжусь, я скажу тебе, но только не пугайся, любимый, – я продавала себя. Я не стала тем, что называют уличной феей, проституткой, но я продавала себя. У меня были богатые друзья, богатые любовники; сначала я искала их, потом они искали меня, потому что я была – замечал ли ты это когда-нибудь? – очень хороша собой. Все, кому я отдавалась, были благодарны мне, привязывались ко мне, все любили меня, – только ты не любил меня, только ты, мой любимый!

¹ Градо – курорт на Адриатическом море.

² Терезианум – учебное заведение для детей австрийской аристократии, основанное императрицей Марией-Терезией в 1740 г.

Презираешь ли ты меня теперь, после этого признания? Нет, я знаю, ты не презираешь меня; я знаю, ты все понимаешь, поймешь и то, что я поступала так ради тебя, ради твоего второго «я», ради твоего ребенка. Однажды, в палате родильного приюта, я прикоснулась к ужасам нищеты, я знала, что бедного всегда топчут, унижают, что в этом мире он всегда жертва, и я ни за что на свете не хотела, чтобы твое дитя, твое светлое, чудное дитя выросло на дне, среди голытьбы, среди дикости и пошлости улицы, в зачумленном воздухе задворок. Я не хотела, чтобы его нежные губы произносили грубые слова, чтобы его белого тельца касалось жесткое, заскорузлое белье бедноты, — у твоего ребенка должно было быть все, все богатства, все блага земные, он должен был подняться до тебя, до твоей жизненной сферы.

Поэтому, только поэтому, любимый, продавала я себя. Для меня в этом не было жертвы, ибо то, что принято называть честью или позором, в моих глазах не имело значения; ты не любил меня, ты, единственный, кому по праву принадлежало мое тело, а все остальное было мне безразлично. Ласки мужчин и даже их искренние чувства не вызывали во мне отклика, хотя иных я очень уважала и, памятуя о своей собственной неразделенной любви, от души жалела. Все те, кого я знала, были добры ко мне, все баловали меня, все уважали. Один граф, пожилой вдовец, любил меня как родную дочь, это он обивал пороги, чтобы выхлопотать безродному ребенку, твоему ребенку, прием в Терезианум. Три, четыре

раза просил он моей руки – я могла бы быть теперь графиней, владелицей сказочного замка в Тироле, могла бы отбросить все заботы, так как ребенок имел бы нежного, обожающего отца, а я – спокойного, благородного, доброго мужа. Я не согласилась, несмотря на то что причиняла ему боль своим отказом. Быть может, я поступила опрометчиво, и я жила бы теперь где-нибудь в тиши, и мое ненаглядное дитя было бы со мной, но – почему не признаться тебе? – я не хотела себя связывать, хотела в любой час быть свободной для тебя. Где-то, в сокровенной глубине души, все еще таилась давняя детская мечта, что ты еще позовешь меня, хотя бы только на один час. И ради этого одного возможного часа я оттолкнула от себя все, лишь бы быть свободной и явиться по первому твоему зову. Чем была вся моя жизнь с самого пробуждения от детства, как не ожиданием, ожиданием твоей прихоти!

И этот час действительно настал. Но ты не знаешь его, не подозреваешь о нем, мой любимый! Ты не узнал меня и в этот раз – никогда, никогда ты не узнавал меня! Я ведь и раньше часто встречала тебя в театре, на концертах, в Прагере, на улице – каждый раз у меня замирало сердце, но ты не смотрел на меня: я ведь внешне сильно изменилась, из робкого подростка превратилась в женщину; говорили, что я хороша; я всегда была богато одета и окружена поклонниками. Как мог ты признать во мне робкую девушку, которую видел в полумраке своей спальни! Иногда с тобой раскладывался кто-нибудь из сопровождавших меня мужчин; ты

отвечал на поклон и бросал взгляд на меня, но этот холодный взгляд был просто данью вежливости, знаком минутного интереса; это был не знающий меня, чужой, страшно чужой взгляд. Помню, однажды это неузнавание, к которому я уже почти привыкла, причинило мне жгучую боль: это было в театре, я сидела в ложе со своим другом, а ты – в соседней ложе. Началась увертюра, свет погас, и я больше не могла видеть твое лицо, но я слышала рядом с собой твое дыхание, как тогда, в ту ночь, а на бархатном барьере, разделявшем наши ложи, покоилась твоя рука, твоя тонкая, нежная рука. И мной овладело неодолимое желание наклониться и смиренно поцеловать эту чужую, столь любимую руку, когда-то ласкавшую меня. Взволнованная звуками музыки, я едва удерживалась, чтобы не прижаться к ней губами, не уступить безумному порыву. После первого акта я попросила моего друга увести меня. Я больше не могла сидеть рядом с тобой в темноте – так близко и... так бесконечно далеко.

Но час настал, он настал еще раз, последний раз в моей разрушенной жизни. Это произошло почти год тому назад, на другой день после дня твоего рождения. И странно: я весь день думала о тебе, потому что день твоего рождения я всегда справляла как праздник. Рано, рано утром я вышла из дому, купила белые розы и, как всегда, послала их тебе, в память о забытом тобой часе. Днем я поехала с мальчиком кататься, потом повела его в кондитерскую Демеля, а вечером в театр, – я хотела, чтобы и он, ни о чем не подозре-

вая, с ранних лет запомнил этот день, как некий таинственный праздник. На завтра, вечером, я была на концерте с моим тогдашним другом, молодым фабрикантом из Брюнна, с которым жила уже два года; он обожал меня, окружал заботами, хотел, так же как и другие, жениться на мне и встречал с моей стороны такой же, казалось, беспричинный отказ, хотя засыпал меня и ребенка подарками; сам он был человек достойный, и его несколько тупая, но беззаветная преданность заслуживала иного ответа. На концерте мы встретили знакомых и все вместе поехали ужинать в ресторан на Рингштрассе, и вот среди смеха и шуток я предложила заглянуть еще в танцевальный зал – в Табарен. Обычно, когда меня звали в такие места, я отказывалась, потому что слишком шумное, пьяное веселье, неизменно царившее там, было мне противно; но на этот раз какая-то необъяснимая, магическая сила заставила меня высказать пожелание, с бурным одобрением подхваченное всей компанией. Я и сама не знала почему, но меня неудержимо тянуло туда, словно что-то необычайное и неожиданное предстояло мне там. Мои спутники, привыкшие во всем угождать мне, тотчас встали, и мы отправились в Табарен, пили там шампанское, и на меня нашла такая неистовая, почти мучительная веселость, какой я никогда не испытывала. Я пила и пила, подхватывала гривуазные песенки – еще немного, и я пошла бы танцевать или начала хохотать на весь зал. Но вдруг словно ледяным холодом или огненным жаром обдало мое сердце – я увидела

тебя: ты сидел за соседним столиком с приятелями и смотрел на меня восхищенным и полным желания взглядом, тем взглядом, который всегда проникал в самые недра моего существа. Впервые за десять лет ты вновь смотрел на меня со всей присущей тебе силой безотчетной страстности. Я вся задрожала и чуть не выронила из рук поднятый бокал. К счастью, никто из сидевших за нашим столиком не заметил моего смятения, оно затерялось в раскатах смеха и музыки.

Твой взгляд становился все упорней, все пламеннее, он жег меня как огнем. Я силилась понять, узнал ли ты меня наконец или я для тебя опять новая, другая, незнакомая женщина? Кровь прихлынула к моим щекам, я рассеянно отвечала на вопросы моих друзей. Ты не мог не заметить, как взволновал меня твой взгляд. Едва уловимым кивком головы ты сделал мне знак, чтобы я на минуту вышла в вестибюль. Затем ты нарочито громко потребовал счет, простился с приятелями и вышел, еще раз дав мне понять, что будешь ждать меня. Я дрожала, как в ознобе, меня била лихорадка, я не могла выдавить из себя ни слова, не могла смирить охватившее меня волнение. Как раз в эту минуту негритянская пара, дробно стуча каблуками и пронзительно вскрикивая, начала исполнять модный замысловатый танец; все взоры обратились на них, и, пользуясь этим, я встала, сказала моему другу, что сейчас вернусь, и вышла вслед за тобой.

Ты стоял в вестибюле у вешалок и ждал меня; когда я подошла, лицо твое просияло. Улыбаясь, поспешил ты мне на-

встречу; я сразу увидела, что ты не узнал меня, не узнал во мне ни подростка, ни девушки давно минувших лет; опять тебя влекло ко мне как к чему-то новому, неизвестному. «Найдется у вас как-нибудь и для меня часок?» – спросил ты, и по твоему уверенному, непринужденному тону я поняла, что ты принимаешь меня за одну из тех женщин, которых можно купить на вечер. «Да», – произнесла я то же трепетное, но само собой разумеющееся «да», которое однажды, более десяти лет назад, сказала тебе робкая девушка на сумеречной улице. «Когда мы могли бы увидеться?» – спросил ты. «Когда хотите», – ответила я: перед тобой у меня не было стыда. Ты удивленно взглянул на меня, с таким же недоверчивым любопытством и недоумением, как в тот вечер, когда я точно так же поразила тебя поспешностью, с какой я дала согласие. «Можно и сейчас?» – несколько нерешительно спросил ты. «Да, – ответила я, – идем», – и уже направилась к вешалке, чтобы взять свое манто.

Тут я вспомнила, что номерок от нашего платья остался у моего друга. Вернуться и попросить номерок было невозможно без длительных объяснений; но и пожертвовать часом, который я могла провести с тобой, часом, о котором я мечтала столько лет, я не хотела. Не колеблясь ни минуты, я набросила на вечернее платье шаль и вышла в сырую туманную ночь, не заботясь о своем манто, не думая о добром, любящем меня человеке, на чьи средства я жила уже несколько лет и которого я поставила в самое нелепое и унижитель-

ное положение: у всех на глазах его любовница, прожившая с ним два года, убегает по знаку первого встречного. О, я глубоко сознавала всю низость и неблагодарность, все бесстыдство своего поведения; я понимала, что поступаю нелепо и наношу хорошему человеку и верному другу смертельную обиду, понимала, что порываю с налаженным существованием, — но что значила для меня дружба, сама жизнь по сравнению с нетерпеливым желанием вновь ощутить твои губы, услышать нежную ласку твоих слов? Так я любила тебя: теперь я могу сказать тебе это, когда все прошло, все миновало. Мне кажется, если бы ты позвал меня с моего смертного одра, у меня явились бы силы встать и пойти за тобой.

У подъезда стоял экипаж, и мы поехали к тебе. Я снова слышала твой голос, чувствовала твою близость и была так же опьянена, так же по-детски счастлива, как при нашей первой встрече. Я опять поднималась по лестнице впервые после более чем десятилетнего промежутка. Нет, нет, я не могу тебе рассказать, как в эти мгновения я ощущала все вдвойне, в прошлом и настоящем, и во всем опять-таки только одного тебя. В твоей комнате мало что изменилось: прибавилось только несколько картин, книг, немного новой мебели, и все было так знакомо мне! А на письменном столе стояла ваза с розами — с моими розами, которые я накануне, ко дню рождения, послала тебе в память о той, кого ты все-таки не вспомнил, все-таки не узнал даже теперь, когда она опять была подле тебя и ты соединял с ней уста и руки. Но все же

мне отрадно было видеть, что ты хранишь мои цветы, что вокруг тебя витает частица моего «я», дыхание моей любви.

Ты обнял меня. Снова я осталась у тебя на всю долгую ночь. Но и тут ты не узнал меня. Счастливая, принимала я твои ласки и видела, что твоя страсть не знает разницы между любимой и купленной женщиной, что ты предаешься своим желаниям со всей беспечной расточительностью твоей натуры. Ты был так нежен и чуток со мной, женщиной, приведенной из ночного ресторана, так дружески сердечен и рыцарски почтителен и в то же время так страстен в наслаждении, что я, пьянея от счастья, как десять лет назад, опять со всей силой почувствовала твою неповторимую двойственность – высокую одухотворенность в любовной страсти, когда-то покорившую меня, полуребенка. Я не встречала человека, который так пламенно отдавался бы во власть минуты, с такой щедростью раскрывал бы другому сокровеннейшие глубины своей души, – чтобы затем, увы, все померкло в какой-то безграничной, почти противоестественной забывчивости. Но и я забыла о себе. Кто была я, здесь, в темноте, подле тебя? Страстно влюбленная девочка, или мать твоего ребенка, или чужая женщина из ресторана? Ах, все было так знакомо, уже пережито и вместе с тем так упоительно ново в ту блаженную ночь! И я молилась, чтобы ей не было конца.

Но утро настало; мы встали поздно, и ты пригласил меня позавтракать с тобой. Мы пили чай, приготовленный в столовой невидимой услужливой рукой, и непринужденно

болтали. Ты опять говорил со мной просто и сердечно, без нескромных вопросов, без малейшего любопытства. Ты не спрашивал ни кто я такая, ни где живу; я была для тебя только случайным приключением, безыменной минутной прихотью, бесследно исчезающей из памяти, как дымок рассеивается в воздухе. Ты рассказал мне, что тебе предстоит большое путешествие в Северную Африку, которое продлится два или три месяца; я задрожала от страха, радость сменилась отчаянием, ибо в ушах у меня уже звучало: «Конец, все прошло и позабыто!» Мне хотелось броситься к твоим ногам и закричать: «Возьми меня с собой, тогда ты узнаешь меня наконец, наконец-то после стольких лет!» Но я была так робка, малодушна, так рабски покорна тебе! Я только сказала: «Как жаль!» Ты, улыбаясь, взглянул на меня: «Тебе правда жаль?»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.